

УТВЕРЖДАЮ

Синецкий С.Б.

Ректор
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Челябинский государственный
институт культуры»
Синецкий С.Б.

«20» ИЮЛЯ 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Челябинского государственного института культуры
на диссертацию Чебыкина Дмитрия Дмитриевича
«Инструменты "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии»,
представленную на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

В современном мире, характеризующемся обострением геополитической конкуренции, кризисом доверия в международных отношениях и поиском новых, ненасильственных форм диалога, феномен «мягкой силы» приобретает особое, стратегическое значение. Он требует глубокой и системной культурологической рефлексии не только как теоретическая концепция, но и как необходимый, практически значимый инструментарий культурной политики и дипломатии. В условиях, когда информационное и ценностное пространство становится ареной столкновения цивилизационных парадигм, а традиционные методы «жесткой силы» демонстрируют свою ограниченность и контрпродуктивность, именно культура превращается в ключевой ресурс долгосрочного влияния, взаимопонимания и формирования позитивного образа государства. В этой связи диссертационное исследование Дмитрия Дмитриевича Чебыкина, посвященное комплексному анализу инструментов «мягкой силы» в контексте кросс-культурного взаимодействия, представляется не только

своевременным, но и насущно необходимым вкладом культуролога в научное осмысление данных процессов, имеющим прямое отношение к выработке эффективной внешней культурной политики.

Во введении автор убедительно обосновывает актуальность избранной темы, связывает её с ключевыми трендами современности: процессами глобализации, трансформацией геополитического ландшафта, формированием многополярного мира и возрастающей ролью несиловых методов управления и воздействия на общественное сознание. Диссертант справедливо отмечает, что «мягкая сила» зачастую рассматривается преимущественно как механизм политического влияния, что ограничивает изучение её общекультурного потенциала (с. 4). Однако раздел «Степень научной разработанности проблематики» носит преимущественно описательный, а не аналитический характер. И хотя в нём представлен репрезентативный спектр зарубежных и отечественных исследователей (от Э. Холла и Г. Хофстеде до Дж. Ная, Р. Бенедикт, М. М. Лебедевой и И. И. Горловой), материал изложен в форме развернутого перечисления, а не критического анализа тех лакун, которые, как изначально постулировал диссертант, призвана заполнить данная работа. Это несколько снижает остроту сформулированного противоречия между «растущей потребностью в эффективном кросс-культурном взаимодействии» и «недостаточной изученностью культурно-специфических механизмов применения инструментов "мягкой силы"» (с. 10). Более глубокий анализ того, какие именно аспекты остались за рамками предшествующих трудов, усилил бы обоснованность постановки исследовательских задач.

Отметим также, что заявленная цель исследования «выявить особенности применения инструментов "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии» (с. 10) практически дословно воспроизводит формулировку предмета. С методологической точки зрения более точным было бы указание на разработку теоретико-прикладной модели, системы оценки или типологии, что явно прослеживается в поставленных задачах и заявленной научной новизне. Другими словами, из содержания работы очевидно, что реальная цель

диссертанта была более амбициозной и заключалась в разработке теоретико-прикладной платформы для анализа и оптимизации применения инструментов «мягкой силы». Об этом свидетельствуют: а) создание оригинальной системы оценки эффективности на основе компонентов кросс-культурного взаимодействия; б) разработка двухкритериальной классификации инструментов; в) выявление и концептуализация «дипломатии наследия». Корректная формулировка цели должна была отражать этот конструктивный, моделиобразующий аспект диссертации.

Кроме того, обратим внимание диссертанта на то, что в положении №3, выносимом на защиту, констатируется: «Осмысление философской и культурно-антропологической традиций, отражающих ключевые аспекты ненасильственного воздействия на сознание человека, позволило выделить такие основания реализации «мягкой силы», как коммуникативное и управленческо-прикладное, представляющие, соответственно, механизмы культурного влияния на человека и механизмы практического использования культуры как инструмента управления обществом». Можно полагать, что действие этих механизмов не сводится только к самому процессу «управления обществом». Вероятно, целесообразно отметить качественные аспекты функционирования таких механизмов, ведущих к снижению негативных и стимулированию позитивных эффектов кросс-культурных взаимодействий. В других Положениях, выносимых на защиту, эти качественные аспекты также не указаны. Вместе с тем в тексте диссертации отчетливо сказано; у субъектов кросс-культурного взаимодействия «происходят определённые изменения» (с. 20).

Несмотря на отмеченные недочеты, введение выполнено по всем канонам жанра: сформулированы объект, предмет, задачи и шесть положений, выносимых на защиту (с. 14-16), которые логически вытекают из структуры работы и отражают её научную новизну. Личный вклад соискателя (с. 19) также описан предметно и конкретно.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения кросс-культурного взаимодействия» задаёт фундаментальную основу для всего исследования. В параграфе 1.1 («Основные подходы к изучению кросс-культурного взаимодействия») диссертант проводит детальный и структурированный анализ ключевых западных концепций кросс-культурного взаимодействия: последовательно рассматривает подходы Э. Холла (теория высоко- и низкоконтекстуальных культур), Г. Хофстеде (культурные измерения), Э. Хирша (культурная грамотность) и М. Беннета (модель развития межкультурной чувствительности). Сильной стороной этого раздела является не просто пересказ, а синтез данных теорий, на основе которого выделяются фундаментальные компоненты кросс-культурного взаимодействия: культурный контекст, язык, культурная грамотность и образованность (с. 31, рис. 3). Особого внимания заслуживает предложенная в конце параграфа система оценки эффективности применения инструментов «мягкой силы» (таблица 1, с. 34-36). Автор не только выделяет критерии (значимость культуры, популярность языка, уровень грамотности, респектабельность образования), но и операционализирует их, указывая конкретные источники данных для эмпирической верификации (рейтинги Brand Finance, Duolingo и др.), что задает четкий и измеримый вектор для сравнительного анализа, реализованного затем в третьей главе.

В параграфе 1.2 («Особенности кросс-культурного взаимодействия в современных геополитических условиях») диссертант демонстрирует широкую теоретическую эрудицию, обращаясь к работам классиков и современных мыслителей: от К. Маркса и Ф. Энгельса до И. Валлерстайна, М. Кастельса, Р. Робертсона и С. Хантингтона. Это позволяет ему выйти на ключевой теоретический вывод о двух противоположных, но диалектически связанных тенденциях: гомогенизации (унификации) и гетерогенизации (дифференциации) культур (с. 51). Этот вывод имеет принципиальное значение для диссертации, так как задает рамку понимания двух различных стратегий реализации «мягкой силы»: одна направлена на продвижение универсальных (часто западных)

моделей, другая – на защиту и продвижение национально-культурной самобытности. Дискуссионным моментом здесь является то, что, сосредоточившись на макро-тенденциях и действиях государств-лидеров, автор, возможно, уделяет меньше внимания горизонтальным культурным трансферам и роли «рядовых» участников кросс-культурных взаимодействий (диаспор, творческих коллективов, блогеров), которые также могут выступать самостоятельными агентами «мягкой силы». Это представляется существенно важным, поскольку в такой ситуации именно использование инструментов «мягкой силы» для таких «игроков» способно быть источником повышения социокультурного статуса, в том числе – в глобальных контекстах.

Вторая глава «Концепция "мягкой силы": генезис и особенности её применения во внешней культурной политике» является теоретическим ядром работы и содержит оригинальные авторские наработки. В параграфе 2.1 («Генезис концепции "мягкой силы"») Д. Д. Чебыкин предпринимает успешную попытку проследить истоки концепции «мягкой силы» в истории философской и культурно-антропологической мысли. Он убедительно показывает, что задолго до Дж. Ная идеи ненасильственного влияния разрабатывались в трудах Сократа (майевтика), Платона (воспитательная роль культуры), Аристотеля (риторика), Цицерона («*cultura animi*»), Конфуция, Сунь-цзы, Н. Макиавелли, А. Грамши и И. А. Ильина. В культурно-антропологическом блоке особый интерес представляет анализ работ Э. Тайлора, Ф. Боаса, Б. Малиновского и, особенно, Р. Бенедикт, чье исследование японской культуры для нужд американского правительства стало классическим примером использования антропологического знания в геополитических целях. Этот историко-теоретический экскурс позволяет автору выделить два ключевых основания реализации «мягкой силы»: коммуникативное (механизмы воздействия на мнение, убеждение) и управленческо-прикладное (механизмы использования культуры для управления обществом) (с. 69-71). Отметим, что в тексте главы встречаются не вполне корректные (с точки зрения формулировок) положения. Так, например, тезис о том, что «средневековье с установкой на теоцентризм не

оставило существенных идей, связанных с "мягкой силой"» (с. 62), представляется излишне категоричным. Достаточно вспомнить принцип ненасилия, отчетливо артикулируемый в определенных учениях Средневековья, причем в различных культурных регионах, или христианскую гомилетику. Другое дело, что в контексте концепции «мягкой силы» эти явления, насколько можно судить, не нашли исчерпывающего освещения.

В параграфе 2.2 («Инструменты "мягкой силы" и особенности их применения во внешней культурной политике») диссертант переходит к инструментальному наполнению концепции. Отправной точкой служит модель коммуникации Вестли-Маклина (рис. 4, с. 75), которая удачно иллюстрирует процесс трансляции «мягкой силы» с учетом фильтров и факторов внешней среды. Ключевым результатом параграфа является авторская классификация инструментов «мягкой силы» (с. 79-80), построенная на двух основаниях: 1) по основному ресурсу воздействия (культурная, научная, спортивная, образовательная дипломатия и др.) и 2) по способу влияния (народная, общественная, цифровая, детская дипломатия). Эта классификация обладает несомненной научной ценностью, так как не только систематизирует существующее многообразие, но и учитывает кумулятивный эффект, когда, например, в рамках общественной дипломатии могут реализовываться сразу несколько ресурсных инструментов. Обратим внимание диссертанта на содержательный тезис, представленный на с. 77-78: в определении соотношения «публичной дипломатии» и других терминов «общественная дипломатия», «народная дипломатия», «культурная дипломатия», «спортивная дипломатия», «научная дипломатия» (с. 77-78) «публичная дипломатия» вбирает все указанные виды. В то же время она рассматривается как «...процесс общения правительства с зарубежной аудиторией» (с. 77). Можно полагать, что это не совсем точно. Так, например, «народная дипломатия» предполагает установление контактов и общение людей разных стран, не обязательно предполагающее участие официальных государственных органов, в том числе – собственно правительства. Вероятно, данное положение стоит уточнить.

Особого упоминания заслуживает введение в научный оборот и содержательное наполнение понятия «дипломатия наследия» (с. 81), которое диссертант определяет как деятельность по сохранению и популяризации общего культурного и исторического наследия. Однако возникает вопрос о четком разграничении этого понятия с «культурной дипломатией». Если культурная дипломатия сфокусирована на продвижении национальной культуры вовне, то «дипломатия наследия» – на сохранении общего прошлого, что может быть как частью культурной дипломатии, так и самостоятельным направлением. Требуется уточнение соотношения «публичной дипломатии» с предложенной классификацией. Определяя публичную дипломатию как «общение правительства с зарубежной аудиторией» (с. 77), автор вступает в противоречие с включенной в классификацию «народной дипломатией», которая по определению предполагает негосударственные контакты (с. 81).

Анализ моделей культурной политики по типологии М. Драгичевич-Шешич в параграфе 2.2 (с. 91-97) является, безусловно, важным для понимания роли акторов. Однако он приводит к предвосхищению и частичному дублированию материалов третьей главы, где эти же страны (США, КНР, Россия) рассматриваются уже в контексте практического применения «мягкой силы». Включение этого анализа в теоретическую главу оправдано, однако следовало бы либо сократить его, сфокусировавшись на институциональном аспекте, либо эксплицитно указать, что он носит пропедевтический характер и создает основу для последующего углубленного сравнительного анализа в третьей главе.

Третья глава «Современные практики применения инструментов "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии» (с. 101-167) обладает практической значимостью и является апробацией теоретических положений, разработанных в предыдущих главах. В параграфе 3.1 («Зарубежный опыт применения инструментов "мягкой силы" в кросс-культурном взаимодействии») проведен глубокий и структурированный анализ зарубежного опыта США, КНР, Великобритании и Японии. Автор не ограничивается простым описанием

институтов и программ (таких как IVLP в США, «Один пояс – один путь» в КНР, «Cool Japan» в Японии), но выявляет глубинные стратегические подходы. Он убедительно классифицирует США и Великобританию как представителей политико-ориентированного подхода, где культура (прежде всего массовая) служит проводником политических ценностей, а КНР и Японию – как представителей «культуроцентричного» подхода, где акцент делается на национальной культуре (традиционной или массовой как пути к традиционной) (с. 133-134). Представленные в параграфе таблицы эффективности (таблицы 3-6, с. 111, 120, 125, 132) наглядно демонстрируют результаты применения этих подходов по критериям, заявленным в первой главе. Диссертант критически относится к данным рейтингов, отмечая их зависимость от западных опросов (с. 162), что свидетельствует о его методологической зрелости.

Параграф 3.2 («Отечественные практики реализации "мягкой силы" в кросскультурном взаимодействии»), посвященный отечественным практикам, является, безусловно, сильной частью диссертации. Д. Д. Чебыкин убедительно показывает, что российская модель «мягкой силы» органически связана с концепцией «Русского мира» и ориентирована в первую очередь на соотечественников за рубежом и носителей традиционных духовно-нравственных ценностей (с. 136-139). На основе анализа деятельности Россотрудничества и Фонда «Русский мир» (с. 141-143) автор демонстрирует разделение функционала: первое отвечает за первичное ознакомление с российской культурой, второй – за углубленную работу с уже вовлеченной аудиторией. Диссертант подробно разбирает цели, задачи, принципы (включая дискуссионный принцип «недопустимости нарративизации») и приводит яркие примеры её реализации (например, история с Суворовским крестом в Швейцарии, с. 149-150). Анализ эффективности (таблица 7, с. 161) и влияния «культурной отмены» (с. 162-165) придает данному разделу исследования остроту и актуальность. Вывод о необходимости адаптации японского опыта государственно-частного партнерства в сфере массовой культуры и перенаправления усилий на рынки стран БРИКС и ШОС (с. 166) выглядит

прагматичным и хорошо обоснованным. Дискуссионным в данном параграфе представляется принцип «недопустимости нарративизации» (с. 146-147). Учитывая, что любое историческое описание неизбежно является нарративом, и различия в исторических дискурсах разных стран объективны и неизбежны, задача «избежать нестыковок» кажется утопичной. Более продуктивной, вероятно, была бы постановка задачи повышения аргументированности, открытости и диалогичности российского культурно-исторического нарратива.

В Заключении (с. 168-175) диссертант подводит итоги, обобщает основные выводы и формулирует практические рекомендации, что придает работе завершённый и целостный характер. Все поставленные во введении задачи нашли свое решение в тексте диссертации.

Как любое интересное и серьёзное исследование, посвящённое сложной и неоднозначной теме, диссертация Дмитрия Дмитриевича Чебыкина вызывает ряд вопросов и замечаний:

1. В разделе «Методология и методы исследования» (с. 12-13) в качестве основополагающих заявлены системный и институциональный подходы, что представляется корректным, но не исчерпывающим. Сквозной анализ текста диссертации свидетельствует о том, что реальный исследовательский инструментарий автора значительно шире и включает в себя как минимум два не менее важных подхода, не нашедших отражения в данном разделе. Во-первых, это деятельностный подход, поскольку такие ключевые категории работы, как «кросс-культурное взаимодействие» и «применение инструментов "мягкой силы"», не могут быть адекватно раскрыты вне контекста социального действия и активности субъектов. Автор сам отмечает, что у субъектов взаимодействия «происходят определённые изменения» (с. 20), что является прямым указанием на деятельностную природу процесса. Во-вторых, это компаративистский (сравнительный) подход, который является структурообразующим для всей третьей главы (с. 101-167), где последовательно и системно сопоставляются модели США, КНР, Великобритании, Японии и России.

Более того, в Заключении автор прямо констатирует, что им «осуществлен сравнительный анализ зарубежной и отечественной практик» (с. 173). Отсутствие этих подходов в методологическом разделе создает разрыв между декларируемой и реально используемой методологией, что снижает репрезентативность описания инструментария исследования.

2. Требуется уточнения и ряд спорных моментов, встречающихся в тексте при содержательной конкретизации понятий. Диссертант определяет публичную дипломатию как «процесс общения правительства с зарубежной аудиторией» (с. 77). Однако в предложенной им классификации фигурирует «народная дипломатия», которая, по его же определению, представляет собой общение народов и отдельных граждан «без прямого указания на участие государства» (с. 81-82). Возникает логическое противоречие: если публичная дипломатия – это прерогатива правительства, то она не может поглощать народную дипломатию как более широкое понятие. Требуется либо переопределение публичной дипломатии как зонтичной категории, включающей как официальные, так и неофициальные каналы, либо более четкое разведение этих понятий по субъектному основанию. На с. 81 диссертант пишет: «Разграничивая дипломатию наследия и культурную дипломатию, стоит отметить, что дипломатия наследия фокусируется прежде всего на сохранении и защите общего культурного и исторического наследия, в то время как культурная дипломатия сфокусирована на продвижении национальной культуры для достижения внешнеполитических целей» – не совсем ясно, в чем видится различие между «дипломатией наследия» и «культурной дипломатией»: в том, что «дипломатия наследия» имеет внутринациональное значение (тогда почему она – дипломатия?), а «культурная дипломатия» направлена «вовне»? Или как-то иначе? Вероятно, положение стоит изложить более четко.
3. Одним из принципов реализации «дипломатии наследия» в работе указана «недопустимость нарративизации культурного и исторического наследия

Российской Федерации (под которой понимается процесс субъективной оценки событий и фактов). Реализация данного принципа необходима для того, чтобы избежать нестыковок в исторических нарративах разных стран, которые зачастую отличаются друг от друга». Полагаем, что это положение также требует уточнения. «Нестыковки» в исторических нарративах разных стран неизбежны уже в силу различий в их исторических дискурсах, поэтому «избежать» их вряд ли возможно. В силу этого сомнительна возможность выработки неких единых общекультурных исторических нарративов и дискурсов. В связи с этим возникает вопрос: как возможна «недопустимость» субъективной оценки событий и фактов культурного и исторического наследия Российской Федерации, особенно если такая оценка исходит от социокультурно ответственных субъектов?

4. В тексте диссертации встречаются опечатки и технические ошибки. Так, например, на стр. 58-59: «...Для полного процветания государства в условиях мира, так и войны необходим “союз меча и пера”» – при цитировании сочинения Цицерона пропущен союз «как». На с. 72 фигурирует повтор цитаты из работы Дж. Ная, уже приведенной на с. 55.

Высказанные замечания и вопросы носят дискуссионный и рекомендательный характер, направлены на дальнейшее развитие идей диссертанта и не снижают общей высокой оценки проведенного исследования.

Работа Дмитрия Дмитриевича Чебыкина является самостоятельным, оригинальным и завершенным научно-квалификационным трудом, который вносит существенный вклад в развитие теории и истории культуры. Автор успешно справился с поставленными задачами, продемонстрировав глубокое знание предмета, владение современной методологией и способность к теоретическому обобщению эмпирического материала. Диссертация соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013 г., предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор, Чебыкин

Дмитрий Дмитриевич, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Отзыв подготовлен доктором культурологии (24.00.01. – теория и история культуры), профессором, профессором кафедры философии и культурологии Зубановой Людмилой Борисовной и кандидатом педагогических наук, доцентом, доцентом кафедры философии и культурологии Соковиковым Сергеем Степановичем.

Отзыв обсужден, одобрен и утвержден на заседании кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры 20 марта 2026 года, протокол №5.

Заведующая кафедрой
философии и культурологии,

кандидат культурологии (24.00.01 – теория и история культуры),

доцент

Долдо Наталья Валентиновна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный институт культуры», 454091, Челябинск, Орджоникидзе, 36-а

Тел: +7 351 263-89-32, Факс: +7 351 727-7643

E-mail: info@chgaki.ru

Адрес сайта в сети Интернет: www.chgik.ru

